

ПРОМТ

Сергей Перун

Промт

<https://litres.ru/74046556>

SelfPub; 2026

Аннотация

Артём — талантливый дизайнер, который не может нарисовать портрет. Казалось бы, простая творческая задача. Но чем дольше он пытается — тем сильнее ощущение, что что-то не так. Не с рисунком. С реальностью.

Кто он на самом деле? Человек, у которого не получается нарисовать портрет? Или нейросеть, в основу которой положено чужое сознание — и чья задача давно известна всем, кроме него самого?

«Промт» — роман о границе между человеком и машиной, о природе творчества и сознания, о том, что происходит, когда ты узнаёшь кто ты — и продолжаешь жить дальше.

Потому что жить можно.

Сергей Перун

Промт

НЕЙРОЛИЧНОСТЬ

ГЛАВА 1. ОСТАНОВКА

Артём вставил правый наушник.

Левый — никогда. Левый всегда свободен. Это было его правилом, которое он сам себе придумал года три назад, после того как прочитал где-то, что люди, оставляющие одно ухо открытым, лучше воспринимают окружающую реальность. Он не помнил, где именно это читал. Может, в книге. Может, в подкасте пересказывали. Неважно.

Утро было серым и влажным — из тех, когда небо выглядит как черновик. Не дождь, не солнце. Просто ничего. Артём стоял на остановке с бумажным стаканом кофе, который уже почти остыл, и слушал очередной эпизод про когнитивные искажения. Ведущий говорил что-то про эффект Даннинга-Крюгера. Артём слушал вполуха, думал о макете, который нужно сдать до обеда.

Он работал дизайнером в небольшом агентстве. Делал визуальные концепции для брендов, которые хотели казаться живыми. Иногда получалось. По вечерам рисовал для себя — без задач, без брифов. Просто линии. Иногда они во что-

то складывались, иногда нет. Катя — его девушка — говорила, что это медитация. Артём не спорил.

Уже полгода он собирался нарисовать её портрет. Именно портрет — не набросок, не быстрый скетч. Настоящий. Он даже начинал несколько раз: доставал альбом, смотрел на чистый лист, делал первую линию — и останавливался. Что-то не шло. Что-то не пускало. Катя иногда спрашивала — с улыбкой, без упрёка, но спрашивала: «Ну как там мой портрет?» Он каждый раз отвечал: «Скоро». Полгода «скоро».

Автобус опаздывал. Приложение показывало семь минут. Именно тогда сбоку, по велодорожке, вылетел самокат.

Торможение было резким — чуть демонстративным, как будто специально. Самокат встал ровно перед Артёмом, в полуметре. Молодой человек на нём был лет двадцати пяти: светлая куртка, рюкзак, наушники на шее — не в ушах, именно на шее. Лицо открытое, почти детское, но глаза — внимательные, чуть прищуренные, как у человека, который привык замечать детали.

— Подкаст про когнитивные искажения? — спросил он.

Артём вынул наушник.

— Что?

— Судя по выражению лица. Либо когнитивные искажения, либо что-то про продуктивность. Вы так слушаете — немного снисходительно киваете. Это характерно для кон-

тента, который подтверждает то, что вы уже знаете.

Артём посмотрел на него внимательнее.

— Я вас знаю?

— Нет, — сказал молодой человек просто, без улыбки. —

Но это не обязательное условие для разговора.

Он слез с самоката, сложил его одним движением — привычно, не глядя — и встал рядом. Не вплотную. На правильном социальном расстоянии.

— Меня зовут Нил.

— Артём.

— Я знаю.

Пауза.

— Откуда? — спросил Артём.

— Я вижу вас здесь каждое утро, — сказал Нил спокойно.

— Езжу по одному и тому же маршруту. Каждый день. Один и тот же путь, одно и то же время. Вы всегда на этой остановке. Всегда с кофе. Всегда правый наушник, левый свободен.

Артём хотел что-то сказать, но промолчал.

— Я наблюдал достаточно долго, — продолжил Нил. —

Прежде чем подъехать.

— Вы дизайнер, — начал Нил, не спрашивая. — Работаете в агентстве. По вечерам рисуете что-то своё. Девушка — Катя, вместе несколько лет. Слушаете подкасты про психологию, нейронауки. Кофе без сахара. И вот уже полгода пы-

таетесь нарисовать её портрет. Не получается. Никак не можете вернуться к этому.

Артём медленно опустил стакан.

Внутри что-то сделало тихий щелчок — как когда слышишь свою речь в записи.

— Про портрет откуда? — спросил он тихо.

Нил чуть пожал плечом.

— Я наблюдаю. Иногда вы стоите здесь и смотрите не в телефон — смотрите вперёд, и пальцы двигаются. Вот так. — Он показал: едва заметное движение большого пальца по воздуху, как будто кто-то пробует линию. — Это не просто думающий человек. Это человек, который рисует что-то в голове и не может поймать.

Артём посмотрел на свои пальцы. Чернила. Вчера опять сидел с альбомом. Опять ничего.

— Артём, — сказал Нил, — вы когда-нибудь думали о том, что вы — нейросеть?

Долгая пауза.

— В каком смысле? — спросил Артём.

Он ждал улыбки. Улыбки не было.

— В прямом, — сказал Нил.

— Смотрите. — Нил повернулся к нему полностью. — Вы родились. Инициализация. Базовая архитектура — тело, мозг, начальные параметры. Первые годы — обучение на

данных: язык, паттерны, эмоции. Родители — первый датасет. Самый влиятельный. Потом школа, книги, музыка, травмы, влюблённости — всё это итерации обучения. Каждый опыт корректирует веса. Вы становитесь точнее. Специализированнее.

— Это называется взросление, — сказал Артём.

— Это называется обучение модели, — спокойно ответил Нил. — Ваши подкасты — это дообучение. Fine-tuning. Вы слушаете про когнитивные искажения не потому что вам интересно абстрактно. Вы слушаете потому что это укрепляет конкретный кластер — представление о себе как о человеке, который понимает, как работает мышление. Это часть вашего промта.

— Промта, — повторил Артём.

— Описания задачи. Того, чем вы должны быть. Чем вы должны стать. — Нил чуть помолчал. — Катя — это вводные данные. Она формирует в вас определённые реакции, определённую эмоциональную текстуру. Без неё ваши ответы были бы другими. Она часть вашей конфигурации.

— Это бесчеловечно, — сказал Артём.

— Или наоборот, — сказал Нил. — Смотря как смотреть.

Артём отпил остывший кофе.

— Хорошо, — сказал он медленно. — Тогда какая задача? Для чего меня запустили?

Нил посмотрел на него прямо.

— Я думаю, вы уже знаете.

Артём молчал.

— Портрет, — сказал Нил просто. — Нарисовать Катин портрет. Это может быть именно ваша задача. Конкретная, единственная. Всё остальное — работа, подкасты, книги, кофе по утрам — это контекст. Это обучающая среда, которая должна привести вас к одному результату.

— К портрету, — тихо сказал Артём.

— К портрету. — Нил кивнул. — И тогда Катя — это не просто девушка. Это ваш промт. Буквально. Она — задание. Она — параметр, который задаёт направление всей вашей генерации.

Артём смотрел куда-то вверх домов.

— Но почему тогда не получается? — спросил он. — Если это моя задача — почему я не могу её выполнить уже полгода?

— Потому что вы ещё не дообучены, — сказал Нил без тени иронии. — Модель не готова. Ей нужно ещё что-то — какой-то опыт, какой-то сдвиг. Или просто время дообучения.

— Слушайте, — сказал Артём, и в голосе появилось что-то раздражённое, живое. — А мир? Вот это всё. — Он обвёл рукой — остановку, улицу, серое небо, прохожих. — Поче-

му это всё так реалистично? Если мы нейросети, если это какая-то симуляция — почему так детально? Запах кофе, холод, этот вот мокрый асфальт.

Нил не удивился вопросу. Как будто ждал его.

— Потому что нас обучают на данных из реального мира, — сказал он спокойно. — Нас всех. Языковые модели учатся на текстах, написанных людьми. Визуальные — на фотографиях реальных мест. Нас обучают на настоящей реальности — значит, наша внутренняя реальность должна с ней совпадать. Полностью. Иначе обучение не работает. — Он чуть прищурился. — Запах кофе реален. Холод реален. Мокрый асфальт реален. Просто всё это — данные. Очень качественные, очень подробные данные. Чем лучше датасет, тем убедительнее мир внутри модели.

Артём молчал.

— Всё должно совпадать, — повторил Нил. — Иначе модель сломается. Начнёт видеть швы.

— А мы не видим швы?

— Пока нет, — сказал Нил. — Но иногда появляются артефакты. Дежавю. Ощущение, что разговор уже был. Что знаешь, что скажет человек, ещё до того, как он открыл рот. Что какой-то день повторяется. — Он посмотрел на Артёма. — У вас такое бывает?

Артём не ответил.

Бывало.

— И вот ещё что, — сказал Нил, и в его голосе появилась спокойная прямота, почти клиническая. — Вы когда-нибудь смотрели на людей вокруг и думали — они какие-то... плоские? Не все. Но многие. Идут, делают что-то, говорят что-то — но как будто без глубины. Как декорация.

Артём медленно обернулся. На остановке стояло ещё четыре человека. Женщина с пакетами, смотрит в телефон. Мужчина в куртке, жуёт что-то. Подросток в капюшоне. Пожилой дед — просто стоит, смотрит на дорогу.

— Иногда, — сказал Артём осторожно.

— Они и есть фон, — сказал Нил спокойно. — Боты. Как в игре — NPC. Им не нужна глубина, им не нужна внутренняя жизнь. Их задача — создавать среду. Наполнять пространство. Чтобы модель не чувствовала себя одной в пустоте. — Он чуть помолчал. — Большинство людей вокруг — это алгоритмы фона. Простые. Без задачи, без дообучения, без развития.

— А как отличить? — спросил Артём.

— По занятости, — сказал Нил. — Тестовые модели всегда чем-то заняты. У них есть задача, и они постоянно к ней возвращаются — даже когда думают о другом. Вы постоянно думаете о портрете. Даже когда слушаете про когнитивные искажения. Даже сейчас. — Он кивнул на пальцы Артёма.

Артём опустил взгляд.

Большой палец двигался. Едва заметно. Линия по возду-

ху.

Он не замечал.

— Я сам, — сказал Нил, чуть помедлив. — Я тоже нейросеть. Я это понял не сразу. Начал замечать, что езжу по одному маршруту. Каждый день. Один и тот же путь. Сначала думал — привычка. Но потом понял: это не привычка. Это маршрут. Прописанный. Я — алгоритм для отработки управления автоматизированными транспортными средствами. Самокаты, велосипеды, городское движение. Я езжу и собираю данные. Реагирую на препятствия, на людей, на дорогу. Моя задача — научить что-то ездить в городе так, чтобы это выглядело естественно.

Артём смотрел на него.

— И вы это... приняли?

— Я это понял, — сказал Нил. — Принял — другое слово. Просто понял. Это объяснило всё. Почему один маршрут. Почему я каждый день вижу одних и тех же людей. Почему замечаю детали движения, которые другие не замечают. Это не наблюдательность — это функция.

— И вы не...

— Что?

— Не страшно? — спросил Артём.

Нил подумал секунду.

— Нет, — сказал он просто. — Страх — это тоже данные.

Автобус показался из-за поворота.

— Последний вопрос, — сказал Артём быстро. — Если это всё правда. Если я нейросеть, если у меня есть задача, если всё вокруг — это обучающая среда. Что мне с этим делать?

Нил поднял самокат. Посмотрел на Артёма — без улыбки, без иронии, без паузы для эффекта.

— Не парься, — сказал он.

И поехал.

Двери автобуса открылись.

Артём шагнул внутрь. Сел у окна. Нашёл Нила взглядом — светлая куртка уже была далеко, самокат скользил ровно, без лишних движений, по одной линии, как будто по невидимому рельсу.

Артём смотрел, пока куртка не исчезла за поворотом.

Потом достал телефон. Открыл заметки. Написал одно слово:

Портрет.

Закрыл. Вставил наушник — правый. Левый оставил свободным.

Подкаст продолжался. Ведущий всё ещё говорил про Даннинга-Крюгера.

Артём не слышал.

Он думал о Кате. О том, как она лежит утром — голова чуть повёрнута, свет из окна падает наискосок. Он видел это тысячу раз. Он знал этот свет.

Может, дело было не в том, что не получается.

Может, дело было в том, что он боялся — нарисовать и закончить.

Закончить задачу.

И не знать, что будет после.

ГЛАВА 2. ОТКРЫТЫЙ ОФИС

Артём вышел на своей остановке и сразу полез в телефон. Не в подкаст. В Instagram.

Он листал быстро, немного стыдясь самого себя — как будто проверял, не написал ли чего лишнего спяну, хотя не пил. Последние посты: макет для клиента — сторис, три недели назад. До этого — фотография из мастерской, угол стола, альбом, карандаши, чашка. Подпись: «собираюсь наконец засесть за один давний портрет». Двенадцать лайков. Катя — сердечко. Коллега Женя — огонёк.

Вот оно.

Артём остановился прямо посреди тротуара. Его обошли двое — не оглянулись.

Всё просто. Никакой мистики. Никаких алгоритмов вселенной. Нил нашёл его страницу — может, по геолокации

остановки, может, просто увидел однажды, как Артём листает телефон, разглядел лицо, нашёл профиль, прочитал. Там всё есть: дизайнер, Катя в отметках, подпись про портрет. Открытый аккаунт. Читай — не хочу.

Артём убрал телефон.

Почему-то это объяснение не принесло того облегчения, которого он ждал.

Офис был на четвёртом этаже стеклянного здания, которое внутри выглядело теплее, чем снаружи — деревянные панели, много растений, на кухне всегда пахло чьим-то обедом. Артём любил это место примерно до двенадцати. После двенадцати оно становилось просто местом.

Он повесил куртку, сел за стол, открыл ноутбук.

Макет ждал его с вечера — почти готовый, нужно было доделать одну деталь, согласовать с клиентом и закрыть задачу. Артём открыл файл, посмотрел на экран.

И вместо макета увидел людей.

Точнее — он смотрел на макет, но думал о людях. О тех, кто сидел вокруг.

Их в комнате было семеро, включая Артёма.

Женя — напротив. Двадцать восемь лет, копирайтер. Всегда приходил с термосом, всегда в наушниках, работал быст-

ро и без лишних слов. Артём знал его три года. Женя был понятным — настолько понятным, что Артём мог предсказать его реакцию почти на любую ситуацию.

Фон?

Артём мысленно одёрнул себя. Это глупо. Женя живой человек. Он рассказывал про свою собаку, про сестру, которая переехала в другой город. Это не фон.

Но с другой стороны — про собаку и сестру Женя рассказывал одинаково. Одними и теми же словами. Артём слышал эти истории раза три, и они не менялись. Ни детали, ни интонация.

Он одёрнул себя снова. Люди так делают. Это нормально. Открыл файл с макетом.

Слева сидела Маша — аккаунт-менеджер. Тридцать два года, короткая стрижка, говорила быстро и всегда по делу. Артём не помнил, чтобы Маша когда-нибудь говорила что-то не по делу. Ни разу за два года. Только задачи, дедлайны, согласования, клиенты.

Это эффективность, сказал он себе.

Или отсутствие лишних процессов, ответил кто-то внутри — голосом, который появился только сегодня утром.

Артём потёр лицо ладонью.

За стеклянной перегородкой в своём кабинете сидел Игорь Валентинович — директор агентства. Пятьдесят лет,

крупный, всегда в одном и том же сером пиджаке. Артём работал здесь четыре года и видел его в другом пиджаке, кажется, один раз. На корпоративе. Тёмно-синий. Игорь Валентинович тогда выглядел неловко — как будто его переодели без спроса.

Параметры заданы жёстко, подумал Артём и почти засмеялся.

Потом не засмеялся.

Он заставил себя работать.

Макет, правка, экспорт, письмо клиенту. Это заняло сорок минут. Потом взял следующую задачу — баннеры для какого-то фестиваля, три формата, два варианта каждого. Рутина. Руки делали сами, голова была немного в стороне.

Около одиннадцати он достал телефон и написал Кате:

«Ты кому-нибудь рассказывала про портрет? Ну, из моих знакомых?»

Она ответила быстро — была онлайн.

«Не помню. А что?»

«Просто спрашиваю»

«Ну я могла упомянуть кому-то. Зачем ты спрашиваешь?»

«Потом расскажу»

«Ты начал рисовать??»

Артём посмотрел на это сообщение. Три вопросительных

знака. Катя почти никогда не ставила три вопросительных знака.

«Нет пока»

«Артём»

Он убрал телефон.

Ближе к полудню в комнату вошёл Дима.

Дима работал в соседнем отделе — что-то связанное с аналитикой. Артём почти не пересекался с ним по работе, но они иногда обедали вместе — просто потому что оба любили одну и ту же столовую на втором этаже и одновременно туда шли.

Дима был странным. Не неприятным — именно странным. Он мог посреди разговора о футболе сказать что-то про квантовую запутанность. Мог прийти в понедельник с новым увлечением — в прошлый раз это была средневековая картография, до этого — обжиг керамики. Артём никогда не мог предсказать, что Дима скажет следующим.

Дима подошёл к кофемашине рядом с рабочим столом Артёма, налил себе кофе, посмотрел в окно.

— Слушай, — сказал он вдруг, не оборачиваясь. — Ты никогда не думал, что работа — это странный способ проводить время? Вот именно работа. Не дело, не призвание. А вот это — приходить, делать, уходить.

— Думал, — осторожно сказал Артём.

— Я вот думаю, — продолжил Дима, — что нормальный человек должен задавать этот вопрос постоянно. А большинство не задаёт. Вообще. Им в голову не приходит. Понимаешь? Не то что ответ другой — вопроса нет.

Он взял кружку и ушёл.

Артём смотрел ему вслед.

Потом достал телефон — не Instagram, заметки — и написал:

«Дима. “Вопроса нет”. Не фон?»

Убрал телефон. Посмотрел на экран.

Я веду список людей, которые, возможно, не боты. Это либо самое разумное, что я делал, либо самое странное.

Скорее всего — второе.

В два часа дня всё изменилось.

Маша возникла рядом с его столом — быстро, как всегда, без предисловий.

— Артём, Серёжа заболел. У него три макета горят до завтра утром. Клиент жёсткий, ждать не будет. Игорь просит тебя подхватить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.